

Глава 31. Он привёл его домой

Они тихонько поднялись наверх и по очереди приняли горячий душ.

Цзянь Линь закончил первым. Теперь он сидел на краю кровати, завернувшись в банный халат, и безучастно смотрел перед собой. Капли воды, не вытертые с волос на лбу, медленно стекали по лицу, то и дело застилая взор туманной дымкой. За окном даже ночью не стихал городской гул, и хотя особняк семьи Чэ стоял в отдалении от оживлённых трасс, отголоски суеты проникали и сюда. Это место больше напоминало глухой лес, где полагалось наслаждаться тишиной, но Ханьчэн, соседствуя с Пекином, как и любой мегаполис, не желал засыпать.

Цзянь Линь пустым взглядом уставился в телевизор, где шло какое-то развлекательное шоу, но слух его был прикован к шуму воды, доносившемуся из ванной. Он не знал, чем себя занять. Наконец, он поднялся, подошёл к панорамному окну и широким жестом задернул тяжелые шторы.

Затем он замер. Его захлестнула волна неловкости. Что дальше? Как вести себя теперь? В этот момент ему отчаянно хотелось схватить телефон и спросить совета у сестры, но Цзянь Лу всегда фанатично следила за кожей и режимом, так что в этот час наверняка видела уже десятый сон.

Шум воды в ванной прекратился. Вскоре вышел Чэ Жуйхэ, вытирая голову полотенцем. Подняв глаза, он увидел Цзянь Линя, который застыл у окна, не шевелясь, словно изваяние.

— Всё ещё не спишь? — не удержался от вопроса Жуйхэ.

Цзянь Линь медленно обернулся.

— Неужели ждёшь меня? — Чэ Жуйхэ поставил телефон на зарядку, и в этот момент, словно по заказу, раздался знакомый звук игрового уведомления:

[Утром — алое солнце, вечером — ясная луна... Я обрёл того, с кем разделю жизнь до самого конца. Хочу делить с тобой ложе, стать вольным ветром у твоего окна и обнимать тебя в твоих снах.]

С тех пор как Цзянь Линь установил ему это приветствие, оно выскакивало каждый вечер. И каждый раз, когда звучал этот голос, Чэ Жуйхэ невольно вспоминал лицо Цзянь Линя. Поначалу это раздражало, но менять настройки было лень, да и голос Мэн Чжихэ в исполнении Цзянь Линя звучал чертовски удачно — глубоко, притягательно, он как-то странно успокаивал и неожиданно помогал уснуть...

Приходилось признать: Мэн Чжихэ был первым персонажем-ровесником, чьим голосом он искренне восхищался. Вторым стал Му Няньчэнь. И вот ирония: обладатель обоих этих голосов

сейчас стоял в паре метров от него.

Невероятно, но факт.

Последние слова уведомления затихли. В комнате воцарилась тишина. Чэ Жуйхэ почувствовал, как сердце предательски ёкнуло, и невольно взглянул на Цзянь Линя. Тот медленно подошёл ближе, забрал из его рук полотенце и, встав за спиной, принялся сам вытирать ему волосы. Его движения были бережными и нежными, будто он касался хрупкого сокровища.

— Ты прав, — негромко отозвался Цзянь Линь, и его низкий голос зазвучал у самого затылка Жуйхэ. — Я и вправду ждал тебя.

У Чэ Жуйхэ снова перехватило дыхание. Он в панике попытался отобрать полотенце:

— Да я сам справлюсь!

Но Цзянь Линь не позволил. Он мягко, но уверенно вернул его голову в прежнее положение и прижал ладонь к макушке, фиксируя её, словно умирал непослушного котёнка.

— Сзади неудобно вытирать, я помогу.

Жуйхэ замер, боясь даже выдохнуть.

Почувствовав его скованность, Цзянь Линь едва заметно улыбнулся. Глядя в отражение стеклянной витрины напротив, он ловил каждое изменение в выражении лица Жуйхэ. По правде говоря, он не раз мечтал о том, чтобы время в такие моменты замерло. Чтобы эта близость длилась вечно, и никто не мог ворваться и разлучить их.

Цзянь Линь наклонился к влажным волосам у самого уха Жуйхэ, собираясь что-то прошептать, но в этот момент телефон Чэ Жуйхэ завибрировал.

З-з-з, з-з-з...

На экране высветилось имя: «Су Я».

Цзянь Линь мгновенно помрачнел. Недавняя нежность испарилась, сменившись колючим холодом.

Чэ Жуйхэ наконец-то смог выдохнуть и поспешно ответил на звонок:

— Алло? Су Я, чего так поздно? Случилось что?

— Да нет, ничего особенного, — донёлся голос Су Я с того конца. — Просто вспомнил, как ты уходил, и на душе стало паршиво. Хотел извиниться. Прости, Жуйхэ, я не специально влез в твои дела. — Он прищурился. — Ты ведь не злишься на меня?

Если бы он не напомнил, Чэ Жуйхэ, скорее всего, уже и забыл бы о той сцене. Тогда все его мысли были заняты лишь Цзянь Линем — он впервые видел его в такой ярости. Трудно было поверить, что обычно мягкий Цзянь Линь может так резко измениться и просто уйти, бросив его.

В тот момент у Чэ Жуйхэ была лишь одна мысль: догнать его.

— Нет, не злюсь. Не бери в голову, — рассеянно ответил Жуйхэ.

Он почувствовал, что полотенце на затылке замерло. Обернувшись, он увидел Цзянь Линя: тот стоял у стены, скрестив руки на груди, и с ледяным лицом сверлил взглядом его спину.

Вид у него был пугающий.

— Чёрт, — вздрогнул Чэ Жуйхэ. — Ты чего там застыл? До смерти меня напугать решил? А ну, иди сюда!

—...

— Сядь.

Он скомандовал это тоном, каким дрессируют золотистых ретриверов. Цзянь Линь замешкался, но всё же послушно сел. Правда, демонстративно отодвинулся от Жуйхэ на целый метр: один сидел в изголовье, другой — в ногах.

— Ты чего так далеко уселся? Ближе давай! Я тебя что, съем по-твоему?

— А? — озадаченно переспросил Су Я в трубке.

Чэ Жуйхэ вспомнил, что всё ещё говорит по телефону, и, бросив на Цзянь Линя красноречивый взгляд, ответил:

— Забудь, это я не тебе.

Такой поворот заинтриговал Су Я. Он вскинул бровь:

— Ого. И с кем это ты там в такой час?

— Я...

— Неужели с ним? Погоди-ка, я вспомнил тот звонок...

— Ладно, Су Я, если ничего важного нет, я вешаю трубку. Сплю уже на ходу, понимаешь? — Чэ Жуйхэ закатил глаза.

— Ладно-ладно. Спокойной ночи.

— Ага, спо...

БАМ!

Дверь с грохотом захлопнулась — Цзянь Линь сорвался с места и рванул к выходу. Чэ Жуйхэ, вздрогнув, едва успел сбросить вызов.

— Ты с ума сошёл?! — прикрикнул он на охваченного яростью Цзянь Линя. — Можешь ты вести себя потише?

— Я посплю внизу.

— Внизу нет гостевых комнат, — отрезал Жуйхэ.

— Диван, пол... — Цзянь Линь стоял спиной к нему, сжимая дверную ручку так, что побелели костяшки. — Где-нибудь да пристроюсь.

— О господи... — Жуйхэ вскочил, в два шага преодолел комнату, схватил его за плечо и бесцеремонно дернул обратно. Затем с грохотом запер дверь на замок. — Мой дед встаёт ни свет ни заря, чтобы погулять. Хочешь, чтобы он первым делом увидел незнакомого мужика, валяющегося посреди гостиной кверху тормашками? Решит ещё, что грабитель, и вызовет охрану, чтобы тебя взащей вытолкали!

«Незнакомый мужик». Ну конечно. Просто «посторонний».

Цзянь Линь опустил голову, его лицо потемнело. Чэ Жуйхэ, не понимая причин этой внезапной вспышки, начал терять терпение:

— Да что с тобой не так? Какого хрена ты взбесился?

Только что он нежно вытирал ему волосы, а теперь смотрел так, будто они заклятые враги. Цзянь Линь, ты всегда так мастерски меняешь маски?

— Отпусти меня, — глухо бросил Цзянь Линь.

— Не отпущу.

Цзянь Линь поднял на него тяжелый взгляд. В глубине его янтарных глаз закипал темный водоворот.

— Сам сказал.

— Что?.. — Жуйхэ не успел договорить.

Цзянь Линь внезапно обхватил его руками и всем весом навалился сверху. Жуйхэ не удержался на ногах, и они оба рухнули на кровать.

— Эй! Ты что творишь?!

— «Не отпущу»... Ты сам это сказал. — Цзянь Линь намертво прижал его к матрасу. Он был тяжелым и податливым, как мешок с мокрым песком — сдвинуть невозможно, но при этом от него исходило мягкое, умиротворяющее тепло.

Тела их соприкоснулись без малейшего зазора. Жаркое дыхание Цзянь Линя опаляло ухо Жуйхэ. Воздух в комнате, казалось, накалился до предела, заставляя сердце замирать.

Чэ Жуйхэ чувствовал, как пульс бешено колотится где-то в горле. Он изо всех сил уперся руками в грудь Цзянь Линя:

— Слезай с меня! Слышишь?!

Вместо того чтобы подчиниться, Цзянь Линь уткнулся лицом в его шею, вызвав по коже мурашки.

— Если не встанешь, я тебя вышвырну! Ты меня слышишь?!

Цзянь Линь замер. Затем он медленно приподнялся на локтях, заглядывая Жуйхэ в лицо. В его потемневших глазах читалось смятение.

— Неужели мне... правда нельзя тебя поцеловать?

От этого вопроса у Чэ Жуйхэ в голове будто что-то взорвалось. Он нахмурился:

— Нельзя.

— Почему? — Цзянь Линь смотрел на него так, будто пытался пробиться к самой его сути. — Я тебе совсем не нравлюсь?

Свет роскошной люстры дробился на хрустальных гранях, отбрасывая на затылок Цзянь Линя едва заметный нимб. Чэ Жуйхэ смотрел на этот ореол света и долго не мог найти слов.

Нравится ли ему Цзянь Линь?

Для человека, который никогда не влюблялся, этот вопрос был сродни неразрешимой задаче. Он не понимал, что именно чувствует сейчас, но отчётливо помнил тот миг, когда впервые увидел Цзянь Линя. Тогда он был по-настоящему поражен его внешностью и той особенной, мягкой аурой, что его окружала.

И пускай поначалу он злился из-за замены роли, неприязнь постепенно таяла. Симпатия росла незаметно, капля за каплей: от осознания, что Цзянь Линь и есть тот самый Мэн Чжихэ, до момента, когда он увидел, как мастерски Цзянь Линь владеет голосом, выручая Студию Создания Мечты. А их первая совместная запись? То чувство, когда ты настолько погружаешься в сценарий, что реальность перестаёт существовать...

Незаметно для себя он обнаружил в Цзянь Лине множество черт, которыми искренне восхищался. Возможно, тот был для него своего рода кумиром — ведь Цзянь Линь ни в чём ему не уступал.

Он не признавал этого вслух, но в глубине души знал всё лучше всех.

Так любит ли он его?

Если спросить снова, он опять засомневается. Просто потому, что он понятия не имел, каково это — любить по-настоящему.

Секунды утекали одна за другой. В повисшем молчании надежда в глазах Цзянь Линя медленно гасла, превращаясь в мертвую черноту.

—...

Чэ Жуйхэ моргнул. Тень, нависшая над ним, наконец отстранилась. Цзянь Линь сел на край кровати, застыв в неподвижности.

Сердце Жуйхэ всё ещё колотилось о рёбра. Он тоже медленно сел, собираясь что-то сказать, но голос подвёл его:

— Кхм, слушай...

Он хотел сказать, что уже поздно и пора спать. Но Цзянь Линь резко оборвал его. Он перешагнул через край кровати, подхватил свою подушку и ледяным тоном бросил:

— Я посплю внизу.

Чэ Жуйхэ ошеломлённо смотрел, как тот щелкает замком.

— Эй, там же холодно.

— Плевать.

С этими словами Цзянь Линь вышел и закрыл за собой дверь. Сделал он это стремительно, не дав разглядеть выражение своего лица.

Его голос звучал так же спокойно, как обычно в разговорах с посторонними, но Чэ Жуйхэ кожей почувствовал исходящую от него глухую, непреодолимую отчужденность.

Холодную и отчужденную.

<http://bllate.org/book/17503/1659949>